

ФРАГМЕНТЫ ИЗ ДНЕВНИКА (2014—2015)

От автора. Вот уже несколько лет веду дневник. Но записываю туда не события личной жизни, а отклики, впечатления, соображения по поводу происходящего в мире и в стране. Поскольку давно занимаюсь творчеством Достоевского, часто возникают ассоциации с тем, что он писал полтора века назад, но что актуально и сегодня. Будучи армянином и гордясь этим, считаю себя частью русской цивилизации, которая гораздо шире этнического понятия «русский народ». И потому о происходящем в России пишу «мы», «у нас», «с нами».

Употребляю в тексте инициалы, потому что веду полемику не с отдельными людьми, а с явлениями, которые они олицетворяют.

Редакция «Невы» любезно предоставила мне возможность опубликовать некоторые фрагменты из моего дневника на ее страницах. Очень надеюсь, что это окажется интересно не только мне и редакции.

Говорят, что фильмы вроде «17 друзей хунты» и проч. — начало той же травли интеллигенции, поисков «врагов народа», что было при Сталине. Но это не так по многим обстоятельствам. Во-первых, там признания (большей частью фальшивые) выбивались под пытками или вообще сочинялись следователями, а здесь о своей вражде к государству и сочувствии врагам его открыто заявляется в печати, в Интернете, на ТВ, на публичных встречах, и за это получают немалые дивиденды в Европе и США. Представить себе, чтобы Мандельштам ездил со стихотворением «Мы живем, под собою не чуя страны...» с гастрольями по Европе и Америке... Во-вторых, проповедуя свободу мнений и слова, «оппозиционеры» на деле таковую не признают: всех поддерживающих позицию государства они объявляют «прихвостнями власти» (а то и хуже) и травят. В-третьих, там, где это все поддерживается, никакого разногласия и свободы мнений не допускается. Попробуйте там публично сказать, что США «пожирают другие народы» или что США — это «гроб с гниющими потрохами» (как позволяют себе по отношению к России наши оппозиционеры), — ваша карьера (по крайней мере) будет закончена. И, наконец,

---

Карен Ашотович Степанян родился в 1952 году. Доктор филологических наук, вице-президент Российского общества Достоевского, главный редактор альманаха «Достоевский и мировая культура», заведомо критики журнала «Знамя», старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, член Союза писателей Москвы. Автор монографий «Достоевский и язычество (какие пророчества Достоевского мы не услышали и почему?)» (1992), «„Узнать и сказать“: „реализм в высшем смысле“ как творческий метод Ф. М. Достоевского» (2005), «Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского» (2009), «Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени» (2013), «Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского „Преступление и наказание“» (2014), а также более 150 статей по проблемам русской классики, отечественной и зарубежной литературы. Живет в Москве.

такое противоречие: если вы, скажем, в случае с Крымом так преданы принципу территориальной целостности и нерушимости границ, почему же тогда, когда у России Чечню (да и весь Северный Кавказ) хотели отнять, не ездили по миру с призывами защитить территориальную целостность России, а, напротив, как могли, чеченских сепаратистов поддерживали? О чем это говорит?

Ставрогин (в черновиках к роману «Бесы») предполагает, что с распространением образования вера в народе рухнет (а вся сила России в православии, стало быть...). Но произошло не так: с развитием образования (колоссальное духовное образование народа произошло во время войны) рухнули идеи социалистическая (в марксистском понимании) и коммунистическая. А православие с развитием образования получило новую жизнь: люди поняли и осознали, что, несмотря на все развитие науки, всем в мире управляет Бог. Это знали тоже, но забыли (забывают?) в Европе. Вот почему отчаяние и от отказ от «великих дискурсов» там и живая жизнь здесь. Все это предвидел и об этом писал Достоевский.

Русский тип «всемирного боления за всех» — как это здорово и как надо быть Достоевским, чтобы увидеть здесь и опасность!

Обсуждение «кризиса среднего возраста» на радио «Маяк». Звонят мужчины 30–40 лет и говорят — не о жене и любовницах, а вот о чем: зачем жить, зачем работать, зачем растить детей — вот если бы какая большая идея была... Дикторы-ведущие тут же заволновались: вы что же, хотите опять государственную идею, идеологический диктат, тоталитаризм? Да нет, отвечали звонившие, но вот все-таки если бы...

«Наука в нашем веке опровергает себя в прежнем воззрении. Всякое твое желание, всякий твой грех произошли от естественности твоих неудовлетворенных потребностей, стало быть, их надо удовлетворить. Радикальное опровержение христианства и его нравственности» (Ф. М. Достоевский. Полное собр. соч. в 30 т. Т. 24. С. 164–165).

Нынешние писатели тоже пытаются изобразить из себя борцов с цензурой, как и жившие при советской власти. Но те боролись для того, чтобы сказать правду, а нынешние — за то, чтобы ругаться матом.

Бог — это концепт, это часть культурной составляющей, культурная универсалия и т. п. Удивительно, что на Западе так думают многие. И не надо тут говорить о рационализме. Рационализм — это глупость, ограниченность. А на Западе много умных людей. И тем не менее все эти глупости про Бога принимаются всерьез. Почему?

Нищие: христианство противостоит воле к власти. Великая Отечественная. Воля к власти (немцы) оказалась побеждена готовностью к бесконечному страданию ради ближних и блага Отечества (русские). Значит, так и надо вести себя всегда? Терпеть, например, когда оскверняют храмы? «Зачем вы меня обижаете?» Думать.

В. К.: русские писатели, русская интеллигенция придумали народ, нафантазировали, создали из него двойника Христа — то есть Антихриста. В революции 1917 года погибли оба: и русская интеллигенция, и русский народ.

Кто же вас и ваших родителей спас-то в Великую Отечественную, если русский народ тогда уже погиб?

На государственном радиоканале обсуждается вопрос: надо ли изменять в браке? Приглашенный медицинский специалист доказывает пользу и даже необходимость измен. «Нравственных идей теперь совсем нет; вдруг ни одной не оказалось, и, главное, с таким видом, что как будто их никогда и не было» (Достоевский. «Подросток». Т. 13. С. 54).

Студия красоты «Гамлет» (на Ленинградском проспекте).

В одной из газет учитель с отчаянием: «Поговорить с нынешними старшеклассниками — как будто они радио Геббельса наслушались!»

«Сребролюбец есть хулитель Евангелия и добровольный отступник. Стяжавший любовь расточил деньги; а кто говорит, что имеет и то, и другое, тот сам себя обманывает.

Не говори, что собираешь деньги для нищих: ибо и две лепты вдовицы купили Царствие Небесное.

Сребролюбие начинается под видом раздаяния милости, а оканчивается ненавистью к бедным. Сребролюбец бывает милостив, пока собирает деньги, а как скоро накопит, так и сжал руки» (из «Лестницы» прп. Иоанна Лествичника).

Ну и как с такими установками, по которым и по сию пору живет (жила?) Россия, принять капитализм и ужиться с ним?

Объявление по ТВ: мы ставим перед собой задачу переломить негативное отношение россиян к деньгам как к какому-то злу.

Вот говорят: я люблю русский народ, русскую культуру, но отвергаю (ненавижу, обличаю) русское государство. Но что такое народ без государства? Толпа беженцев, которая станет жертвой первого же злодея-«хозяина мира» (а таких в мире достаточно).

Музей Матисса в Ницце. Его эскиз для часовни. Люди и люди по стене вверх. А на самом верху — Голгофа. Христос поднимается туда по грехам людей.

Концерт Берлинского филармонического оркестра и Рене Флеминг по ТВ. Радость. Всю боль и злость этого дня как будто смыло. Публика в лесу. Лица прекрасные. В руках бенгальские огоньки. Как в церкви со свечами. «Европа нам родная», «Европа нам второе отечество» (Достоевский). Вот только... Может, искусство, культура им и заменили Церковь? А в искусстве ведь всегда есть и добро, и зло, и духовное, и материальное. И без умения «различать духов» нетрудно соблазниться.

В Европе уже в средневековье христианский потенциал стал уходить в культуру: литература, живопись, архитектура, музыка. И вера стала потихоньку уходить. В России такое случилось в XIX веке (до этого культура была не главной в жизни общества, главной была религиозная жизнь). И тоже вера стала уходить. В результате — безобразие начала XX века и революции. Мирская элита, имевшая в большинстве своем за плечами лишь культуру, окончательно разъединилась с народом и с ду-

ховенством (которое в одиночестве не может поддерживать высокий градус религиозной жизни в стране, но только в союзе с мирской духовной элитой, а без этого начинает деградировать). Народ же, глядя на то, во что превратили культуру Белые и Мережковские, Арцибашевы и футуристы и как ведет себя духовенство, стал искать новую веру и нашел: коммунизм. Предупреждения Достоевского.

На Байконуре открылся православный храм во имя Св. великомученика Георгия, где космонавты могут помолиться перед полетом. «Летали, Бога не видели». Две эпохи?

В России к литературе и искусству иное *онтологическое* отношение, чем на Западе. Вот почему здесь погоня лишь за формальными изысками сразу делает художника *чужим*.

Статья Г. П. в уважаемом журнале. Столь многих людей пугает, или злит, или вызывает такое отторжение все, что говорит Достоевский о глобальных проблемах (и его оценки), что они изо всех стараются доказать, что он только тогда прав, когда говорит о единичных явлениях, о конкретных людях, когда он выступает «как художник» — а как публицист он недалекий, верно не видящий, находящийся «в плену стереотипов» (?), рядовой.

Абсурд нашего времени: делать операции на ладонях с целью изменить линии на них, в частности, продлить «линию жизни».

Депутат ГД: «Скажем правде прямо в глаза!»

Знакомый художник, участник Манежной выставки, возмущается «аннексией Крыма». Но если вы считаете, что Хрущев был прав, подарив Крым Украине, то должны считать, что прав он был, называя вас так, как он называл, при посещении Манежной выставки, что он был прав, травя Пастернака, разрушая храмы, преследуя священников, губя сельское хозяйство. Иначе как-то нелогично получается.

«В реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры» (Достоевский. «Братья Карамазовы». Т. 14. С. 24). Очень точно: только находящийся в подлинной *реальности* может увидеть и постичь чудо, для остальных всегда остается возможность объяснить любое чудо удачным стечением обстоятельств, чем угодно иным.

На пути тех, кто хотел бы смешать все национальности, языки, культуры (потому что лишенными корней людьми легче манипулировать), встает спорт с его болезнью за *своих*. Но поскольку, с другой стороны, спорт нужен, чтобы отвлекать людей от мыслей и давать паллиатив радости, стараются и в спорте стереть все различия: поляки, хорваты, африканцы, французы играют за английскую команду, португальцы и бельгийцы — за русскую. А если вдруг захочешь создать команду из *своих* игроков — ты расист.

Надпись на уличном контейнере:	Гос
	поди
	пока
	рай

Вот и читай, как хочешь.

Еще надпись, на бетонном блоке возле метро, где идет ремонт: «Колонна пятая где». Через пару дней исчезла. Надеюсь, потому что нашлась колонна № 5, а не пятая.

В аду будешь видеть страшное уродство зла, и только это — может быть, то и будет самая страшная мука.

«Слово стало плотью» — вот сущность «реализма в высшем смысле» Достоевского.

Знаменитый телеведущий собирается спросить у Бога, почему дети умирают от голода. Но он лично мог бы сделать — по своим доходам, — чтобы, как минимум, два-три ребенка не умерли. А если бы и все, кто с такими доходами, сделали это, ни один ребенок бы не умер. Вот и ответ.

На первый взгляд может показаться, что либерализм и государственничество различаются тем, что первый ставит превыше всего интересы личности, отдает предпочтение частному перед общим, в то время как второй — общему перед частным; первый во главу угла ставит права, второй — обязанности, служение. Но на деле служение высокой идее делает жизнь отдельного человека столь богатой, осмысленной и по-настоящему счастливой, что никакое существование во имя своих частных интересов и близко не обеспечит подобное.

Подумать только: ведь были же люди, которые присутствовали при первой постановке «Гамлета», «Макбета», «Зимней сказки» и, возвращаясь узкими лондонскими улочками домой, обсуждали это. Могли ли они предположить, что люди еще 400 лет будут читать, смотреть, обсуждать это, пытаться понять? И что думал в это время автор?

Статья Достоевского из «Дневника писателя» о восточном славянстве на одном из сайтов в Интернете (без подписи). Отклик: «Это заказная пропутинская статья».

Мария Магдалина. Женщиной вошла в мир смерть, и женщина же первой принесла в мир весть о Воскресении.

Человек ведет постоянный диалог с Господом: Он спрашивает — мы отвечаем, мы спрашиваем — Он отвечает. Диалог этот идет через мир и через нашу душу. Только кто-то ведет этот диалог в ясном сознании, а кто-то — как в болезненном бреду.

Фильм «Ной» (реж. Д. Аронофски). Человек никогда не очистится внешними средствами, даже такими, как потоп, — только изнутри себя, в диалоге с Богом.

Некто Н. К. пишет в Интернете, что закон о запрете пропаганды нацизма и фальсификации истории «призван защитить память палачей и оккупантов от памяти их жертв». И кто же эти палачи и оккупанты? Советские солдаты, своей кровью заплатившие за то, чтобы эти «жертвы» (или их потомки, которых у них не было бы в ином случае) могли сейчас благоденствовать, иметь собственные государства и нападать на своих спасителей.

О волонтерстве. Очень хорошо и благородно, но ведь что по существу? Злой дух только этого и хочет: он своим излучением, как из некоего тоннеля, непрерывно калечит и губит людей, а тут волонтеры подбирают, перевязывают, утешают

жертв, но число жертв увеличивается в геометрической прогрессии. Не боремся с источником губительного излучения, напротив, признаем его право на существование (признаем человеческие грехи и «необходимость» их удовлетворения), а просто подбираем жертв и покалеченных. А подлинная борьба — христианская аскеза, борьба со страстями.

Любовь и даже преклонение перед Европой в России может быть даже полезно в преддверии будущего: когда Европе понадобится помощь России, чтобы сохранить себя, свою культуру, свою идентичность, свою жизнь вообще. Если до того Европа не разрушит окончательно любовь к себе в сердцах россиян, то на вопрос: зачем им вообще помогать, пусть задохнутся в своих грехах, сами виноваты — вопрос этот обязательно встанет перед Россией в обозримом будущем — найдется ответ: не только потому, что Христос велел, но и из непосредственного чувства, из любви.

На умной женщине глаз отдыхает.

В каждом человеке в метро с умной книгой в руках видишь родственника. Но как же горестно смотреть, как сидят все, молодые и старые, уткнувшись в мобильники и айфоны, и жмут, жмут, жмут на кнопки. Поневоле уверуешь в заговор против человечества.

Хороший аргумент от молодого священника на ТВ: всем, кто упрекает Бога в неправильном устройстве мира, предложить: а вот как бы вы сами устроили? Рискнули бы? У тех, кто рискнул бы, дело кончилось бы, скорей всего, жуткой диктатурой. Ведь в идеале надо совместить свободу человека и благо его. А это невероятно сложно.

Может быть, непостижимая для нас тайна таких гениев, как Шекспир, Достоевский, — возможность находить в их произведениях правду свою и тем, и этим, и верующим, и бунтарям, и католикам, и протестантам, и христианам, и гностикам, — заключается в их всецелом, всеобъемлющем доверии к Богу.

Если текст нынешних ежедневных новостей показать или даже услышать человеку в 80-е годы прошлого века: «Украинская армия ведет наступление на ополченцев Новороссии и Донецкой Республики» — сочли бы бредом сумасшедшего или отрывком из фантастического романа (впрочем, такие фантастические романы стали писать в 90-е годы, и кто знает, как повлияли они на сознание людей). Да, повседневные реалии очень сильно и быстро меняются, но суть остается прежней: и тогда, в 80-е, и ныне: Россия против всего мира, вернее, весь мир против России. Да, пожалуй, и со времен Александра Невского ничего не изменилось: весь мир против России, Запад и Восток. И внутри ничего не изменилось: пока все тихо, хотим торговать с Западом и Востоком, заимствовать у них «технологии», не хотим сильного вождя, хотим демократию (новгородцы в XIII веке) — а как Запад и Восток покажут, какой они хотели бы видеть Россию (вернее, вообще не видеть ее на карте больше), — так объединяемся, призываем сильного вождя, понимая, что в нем, и в патриотическом духе, и, главное, в Боге и Пресвятой Богородице единственное спасение, и сохраняем Россию. Дай Бог, чтобы и на сей раз было так. У тех «технологии», а у нас вера. Хотя и технологии свои пора бы уже иметь.

Думаю, ко многим болящим приходила Богородица и исцеляла их, но лишь святые, как батюшка Серафим, способны были увидеть Ее телесными очами.

Оппозиция — это когда ты говоришь: правительство считает, что Россия должна стать великим, духовно и экономически, процветающим и могущественным государством, идя вот таким путем, а мы считаем, что Россия должна стать таким государством, идя другим путем. А когда говорят, что Россия должна разделиться на дюжину маленьких государств, которые будут тихо-мирно влачить свое существование в фарватере США и Западной Европы, — это не оппозиция, а предательство.

В храм приходишь не для того, чтобы учить (как многие осознанно или неосознанно, делают), но чтобы учиться. А в храме, кроме молитв, можно говорить только: «Прости(те)».

Многие сейчас, выходя из дому, отказываются слышать мир, окружающих людей, втыкая в оба уха наушники. А когда войдут в широкий обиход компьютерные очки, откажутся и видеть мир.

9 мая 2015 года. Как изменилось отношение к песням, которые в 1960—1980-е годы вызывали только усмешку или иронию: «Враги сожгли родную хату», «Осенний сон», «За себя и за того парня». Сейчас слушаешь их со слезами на глазах. Даже если бы Евтушенко написал только «Хотят ли русские войны?», он остался бы в благодарной памяти народной. Какое было шествие по Тверской «Бессмертного полка», сколько людей — молодых, старых, женщин, девушек, мальчишек с георгиевскими ленточками, сколько прекрасных лиц! Поистине для России чем хуже, тем лучше. Христианская страна.

В чем все-таки причина такой, мягко говоря, неприязни к России у большинства людей в Европе, на Западе? Ведь ясно же, что нынешние политические события послужили лишь спусковым крючком для легализации этой подспудной неприязни, которая существовала всегда. Думается, что, помимо геополитических соображений и страхов, главное все-таки в ином. На Западе основная идея — комфорт и личное благосостояние отдельного человека. У нас — готовность пожертвовать всем личным ради торжества великой идеи, ради спасения мира. Со стороны это кажется безумием, извращением, чем-то невозможным и непонятным. А непонятное всегда вызывает страх и отторжение. Достоевский писал об этом так: «Идею мы несем вовсе не ту, чем они (европейцы. — К. С.), в человечество — вот причина!» (Т. 27. С. 35). И в Евангелии: «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел» (Ев. от Иоанна, 15:18).

Но это не навсегда, хочется думать. Глупых народов не бывает, и на Западе не померк облик Спасителя, как не уставал напоминать Достоевский. И где истинное спасение, рано или поздно увидят все. Просто нам не дано знать времена и сроки.